

Экран и сценарий - 1996. - 11-18 апр. - 0,16

Есть спектакли, есть актерские работы, которые остаются в памяти как события. В духовном вакууме конца семидесятых "Уроки музыки" Л.Петрушевской в постановке Р.Виктюка стали уроками творческой свободы. Сгущенный до абсурда, советский быт был освобожден от натурализма, возник прорыв в театр символизма, при удивительной, казалось бы, простоте приемов, из которых запомнился незамолающийся телевизор на авансцене, нарочито бесстрастный голос режиссера, читающего ремарки. И, конечно, Валентина Талызина в роли Таисы Петровны Козловой. В образе Таисы, жутком и одновременно привлекательном, гротеск был столь естественным, столь психологически оправданным, что существование актрисы на сцене не хотелось определять как игру.

— Как ощущалась и ощущалась ли значимость этого спектакля в вашей жизни?

— Как ни странно, но мы — участницы "Уроков" — совершенно не сознавали, что делаем. Работалось легко. И только потом, когда повалил зритель, возникло ощущение события, какой-то разрывающейся бомбы. Нам было отпущено всего шесть месяцев. Три мы играли на улице Герцена в университетском театре, потом нас прикрыли и мы тайком пробрались в "Замоскворечье". Но когда я сегодня вспоминаю эту работу, мне почему-то особенно памятна первая репетиция в помещении бывшей часовни, где когда-то стоял гроб с телом Н.В.Гоголя.

— В одном из телеинтервью Роман Виктюк утверждал, что ему во время съемок "Игроков" являлась тень Гоголя. Вы верите в это?

— Я верю в то, что Виктюк рожден для гоголевской драматургии. Его большая ошибка, что он не ставит классики, считая ее сегодня ненужной. Но я продолжаю мечтать о том моменте, когда у него закончится "итальянский период" и он обратится к Гоголю. Будет ли там роль для меня? Ведь время летит.

— Когда заходит речь о Виктюке, актеры любят говорить о его мистической, магической ауре. Помню рассказ о том, как участники спектакля "Фердинанд" в Питере ждали маэстро, и один из артистов засомневался, придет ли вообще Виктюк на репетицию. В этот момент стакан с чаем разорвался в руках у актера. И тут появился Виктюк. Кто-то считает его чуть ли не инопланетянином.

— Виктюк — инопланетянин? Я вас умоляю! Я знаю его 41 год. Тогда, когда он был не Роман Григорьевич, а просто Ромка. Маленький, легкий, с быстрыми глазами-бусинками. Фантастически подвижный, как метеор. И безумно обаятельный. Он умел проходить сквозь стены. Я имею в виду, что не было такого театра, в который бы он не проник без билета. Но мало этого. Он проводил зайцами целую компанию, в которую входила и я. Нас было человек пятнадцать. Он дирижировал шествием. Представьте себе — Большой театр, аншлаги. Рома с гордо поднятой головой идет прямо через контроль. Толпа напирала. Его хватают за руки: "Молодой человек! Ваши билеты!" Он обращается к спине неизвестной дамы: Марья Ивановна! Вы показали наши билеты?" И, ошалея от его напора, билетеры сокрушенно говорили: "Ну так проходите!"

— Вы с Виктюком учились в ГИТИСе. Догадывались ли вы тогда, что он станет вашим режиссером?

— Ничего подобного. Хотя Рома и утверждает, что ставил мне этюд, в котором я изображала партизанку-радистку. Убий Бог, не помню. Когда много лет спустя Виктюк пришел в театр Моссовета, он уже на первой репетиции "Вечернего света" поразил меня своим умением убеждать актеров. Помню, я спросила его: "Ты и завтра знаешь, о чем будешь говорить?"

Чудесный, по-моему, был спектакль, но после смерти Завадского он был немедленно снят с репертуара. Возвращаясь к Виктюку, скажу — я не его актриса. Я стою где-то на пятом-шестом месте. У него всегда была когорта нежно любимых — Мирошниченко, Макасова, Терехова. А я скорее так, подружка. Не более того.

фессией.

— Говорят, что судьба — это характер. Вы согласны?

— У меня плохой характер. А какой характер был у Раневской? У Марецкой? Не сахар. Я часто завидую артистам, которые умеют сдерживаться, скрывать свои чувства.

— Считаете ли вы, что именно характер повинен в том, что актриса Талызина так непросто занята в репертуаре театра имени Моссовета?

— Я пришла в Моссовет в 1957 году, то есть тогда, когда было построено новое здание. Это мой дом, уходить из которого я не собираюсь. Не хочу никого винить. Не я одна, но и другие актеры Завадского не у дел.

Наверное, в чем-то я виновата сама. П.Хомский предложил мне роль в "Ночи ошибок". Но одновременно запускался спектакль "Внезапно прошлым летом." Во-

Рожественской, нашей гениальной учительницы.

У меня вообще были замечательные учителя — В.А.Вронская, И.С.Анисимова-Вульф, Б.Н.Докутович. Но Галина Петровна стоит в этом ряду особняком. Она была сестрой знаменитой певицы Натальи Рожественской, родной тетей дирижера Геннадия Рожественского. Она могла сидеть за роялем по 14 часов. Она заражала нас своим отношением к делу, она была настоящей подвижницей. Я пришла к ней и честно призналась, что у меня нет ни голоса, ни слуха. Она заверяла меня, что таких людей не бывает. Через месяц я уже пела романсы Бетховена. Не больше и не меньше. Мы с ней изучали каждую ноту. Она была тяжелобольным человеком, несколько лет лежала парализованной. Я ждала момента, когда мои домашние лягут спать, и в два часа ночи садилась к телефо-

Ее амплуа: Талызина

— Вот те на! Что же заставляет его на протяжении стольких лет занимать вас в своих спектаклях? В "Лолите", например?

— Я вспоминаю "Лолиту" как страшный сон. Виктюк тогда был влюблен в свою молодую компанию. На репетициях он кричал Виноградову и Маковецкому: "Божественно!" На их фоне я была старомодной. Надо было заткнуть меня, чтобы я не "возникала". Помню он орал мне: "Прыгай!" Я должна была прыгнуть с огромной высоты. А я ведь близорука. У меня было ощущение, что я лечу в бездну. Олег Исаев, игравший Гумберта, утешал меня: "Илларионовна, нам бы только дойти до людей." До зрителей то есть.

— И вот, несмотря ни на что, вы снова репетируете у Виктюка в спектакле "Бабочка, бабочка".

— Видите ли, Виктюк из тех режиссеров, которые дают актеру. Можно сколько угодно его осуждать. Но он многое вкладывает в артиста, он любит артиста. Чего не скажешь о большинстве режиссеров. Как говорил мне на съемках один деятель: "А вот тут, мать, надо выдать!" Чего у Виктюка не отнять, так это одержимость, с которой он себя образывал, его страсти к познанию. В этом он похож на Дягилева. Сколько я Виктюка знаю, он каждый день занимался своей про-

прос стоял: или-или. Андрей Житинкин умолял: "Не погубите!". И теперь я считаю своей ошибкой, что отказалась от работы с Хомским.

— Между тем спектакль "Внезапно прошлым летом" именно благодаря вашей Вайолет и сегодня один из самых заметных в репертуаре театра. Я смотрела его недавно и удивлялась, как безошибочно точно вы попадаете в сложнейшую стилистику пьесы Тенесси Уильямса. Когда Вайолет на сцене — возникает особая, мерцающая, таинственная атмосфера этой, во многом загадочной пьесы. Жаль только, что остальные персонажи решены режиссером в другой, гораздо более приземленной манере. Они как будто из другой пьесы, другого, гораздо менее талантливого автора.

— Для этой роли я вытащила стихи Уильямса и вставила их в текст пьесы. Всегда любила поэзию, но читать стихи со сцены, с эстрады как-то робела. Но после "Иронии судьбы", где я читала стихи за кадром, озвучивая Барбару Брыльскую, мне стали советовать сделать чтецкую программу. Я осмелела, к тому же не было работы. Мне попался томик А.Апухтина и я очень увлеклась. И тогда мы с Виктюком сделали программу "И я кончая жизнь непризнанным поэтом" и посвятили ее памяти Галины Петровны

ну очень близко к пианино и пела ей в трубку. Так проходили "уроки музыки", которые я никогда не забуду. Галина Петровна очень любила Рому Виктюка. Когда он влетал в гитисовскую аудиторию, ее глаза светлели. Она и его воспитала, очень-очень многое она нам дала.

— Вернемся к поэзии. Кроме программы по стихотворениям Апухтина, была телепередача о Зинаиде Гиппиус.

— Существовал определенный стереотип в восприятии этой поэтессы, которую принято было считать манерной декаденткой. Хотелось разрушить этот стереотип. Ведь она была и мистификатором, и артисткой, а, главное, настоящим, большим поэтом, очень русской женщиной, трагически переживавшей разлуку с Россией: "Зачем мне свобода, если нет России". И вот мы вместе с режиссером А.Шишко решили сделать программу. Стихи звучали на фоне тех улиц, домов, пейзажей, которые были связаны с жизнью и творчеством З.Гиппиус.

— Разрушение стереотипа, по-моему, всем по душе. Я думала об этом, когда смотрела премьеру "Миссис Лев" в "Школе современной пьесы". Об этом спектакле много писали. И все сошлись на том, что роль Софьи Андреевны большая ваша удача. Я с ними согласна. Мне кажется, что на материале этой

пьесы вы смогли сыграть не биографию, а судьбу жены гения. В несчастной, полубезумной Софье Андреевне вдруг на какие-то моменты явственно возникает молодая, простодушная, любопытная Соня, та, которая спрашивала когда-то Толстого: "Отчего трубы в каминах проводят прямо? Почему лошади не умирают долго?"

— Для меня Софья Андреевна — тургеневская девушка. Она, безусловно, вносила в жизнь толстовской семьи нравственный элемент. Лев Николаевич был жесток, несправедлив по отношению к ней. И с каждым спектаклем я все больше в этом утверждаюсь. А вообще работать с Борисом Морозовым и с этой конкретной компанией было очень приятно. Мы все подружились и с удовольствием встречаемся и на сцене, и после спектакля.

— Зрителю, читателю всегда была интересна личная, интимная жизнь гениев. Не случайно наряду с "Миссис Лев" в пушкинском театре появилась "Миссис Федор", то есть "Федор и Аня" — спектакль о Достоевском и его жене Анне Григорьевне. Как сказал о ней поэт: "Больше российской словесности так никогда не везло." Но была в нашей истории еще одна замечательная жена — Вера Николаевна Муромцева-Бунина.

— Именно ей принадлежит мысль о том, что быть женой писателя — это значит все отдать ему, ничего не получив взамен. И вместе с тем, как много значила Вера Николаевна в жизни Ивана Алексеевича Бунина! Когда я прочла ее воспоминания, "Грасский дневник" Галины Кузнецовой, я загорелась идеей написать сценарий "Женщины в жизни Бунина".

— В вашей программе телезрители впервые увидели юг Франции, Грасс, виллу "Бельведер", где жили Бунины. Фон, на котором разыгрывалась семейная драма.

— "Женщины в жизни Бунина" — это прежде всего рассказ о писателе, который за все расплатился сполна. Писать сценарии очень трудно. Сейчас я репетирую у Виктюка и одновременно работаю над фильмом (вместе с А.Шишко) о С.П.Дягилеве. Что получится — не знаю. Но эта личность в русском искусстве меня поражает. Благодаря Дягилеву Европа узнала Россию, познакомилась с русской музыкой, живописью, театром. Меня всегда волновала история. Я ведь в Омске поступала на исторический факультет, но по географии получила тройку. Мне тогда казалось: жизнь кончена. Пошла на экономический, проучилась год, но не смогла заниматься нелюбимым делом. И сбежала в актрисы. Если бы тогда поступила — никогда бы не уехала. Я серьезно говорю.

Как все-таки повезло театру и кинематографу, что знания абитуриентки Вали Талызиной были оценены всего лишь как удовлетворительные! Не случись этого зигзага удаче — не видать бы нам ее шедевра в рязановском фильме — "Алеутин, мечтавший о белом пальто и сапогах на шпильках, как Акакий Акакиевич о гоголевской шинели".

Дело ведь не в количестве сыгранных ролей. Ее не спутаешь ни с кем. Ее амплуа и в театре, и в кино можно сформулировать одним словом: ТАЛЫЗИНА.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.